

Инна Хаимова

СКИТАНИЯ ДУШИ И ЕЕ ОСКОЛКИ

Инна Хаимова

Скитания души и ее осколки

«Автор»

2014

Хаимова И.

Скитания души и ее осколки / И. Хаимова — «Автор», 2014

История еврейской девочки-москвички с послевоенных времен и до наших дней. Взрослея, она попадает в ситуации, приводящие ее к людям из разных слоев общества – как к элите, так и к бандитам. На этом пути она ищет себя и свое место в жизни.

© Хаимова И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Осколок первый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Инна Хаимова

Скитания души и ее осколки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Осколок первый

Скорее всего, это не размышления о том, что когда-то было, а желание осмыслить будущее. Будущее, которое в отличие от прошлого и настоящего никогда не заканчивается.

– Это ты меня уничтожила.

Женщина явственно услышала так хорошо знакомый ей, довольно высокий мужской голос. Этот голос она называла бабьим. В свое время (как казалось тогда) и голос и самого мужчину еле терпела рядом с собой. Но когда мужчины не стало, когда он уже исчез из ее жизни – неожиданно для самой себя поняла, что именно его больше всего и не хватает. Дала себе слово, что больше ни с кем свою судьбу связывать не будет. До него были у нее и другие мужчины, был такой, которого Женщина любила в самой ранней юности. Но потом она думала, что любовь ей была дана только единожды, потому что эта, единственная, приводила ее в изнеможение, заставляла забывать о времени и пространстве.

Женщина находилась в предвкушении секунды, погружающей ее в бесконечную радость. Но миг пролетал, и она постоянно жила в ожидании чего-то непредвиденного, непредсказуемого. Все в ней замирало, казалось еще немного, и пружина затаенности лопнет и раскрутится в обратную сторону. Но однажды почувствовала: ее необузданная любовь безответна. Словно раненая птица, распласталась в безутешных мучениях, желая только одного – выжечь эту любовь из сердца. Тяжело оправлялась Женщина от любви. И может быть, вряд ли вообще оправилась, если бы не тот, которого не стало и чей голос не дает ей покоя. По-своему неповторимый, вроде бы ею презираемый и даже порой ненавидимый, мужчина оказался тогда рядом с ней. Сама никак не могла понять – кем он был для нее. Любовником, мужем, братом, отцом? Возможно, такое смятение чувств возникало у нее от того, что до него не было ни своего любовника, ни своего мужа, ни отца, ни брата. Не привелось Женщине почувствовать братское плечо и отцовскую ласку. Ведь была единственным ребенком у матери, к тому же еще внебрачным. Может от недостатка родственных связей она их искала во встречающихся на ее пути мужчинах. Но мужчины на Женщине не женились, а любовниками становились либо чужие мужья, либо чужие любовники. Вероятно, потому и представлялось Женщине очень часто, что в этом человеке смешались все те, кого ей так доставало. И может быть оттого и испытывала она так остро неустроенность обновленной без него жизни.

Прошло несколько десятилетий после смерти мужчины, в памяти начали расплываться его черты. Только время от времени вдруг перед глазами возникали то его испытующий взгляд, то – ухмылочка, особо ей ненавистная. Изредка она ощущала прикосновение его руки и тогда вздрагивала, будто пронзенная зарядом электрического тока, и... внезапная нежность охватывала ее: щемило сердце, останавливалось дыхание. Такое состояние длилось мгновения, а затем подступали пустота, усталость и отрешенность. Когда же пыталась воссоединить все черты и рассмотреть его лицо целиком – никак не могла это сделать.

Виделось ей, что – глаза и нос уже вроде бы на своем месте, но куда-то исчезали губы. Начинали поддергиваться щеки, придавая глазам насмешливо-издевательское выражение. Она тут же мысленно перечеркивала видение. Оно неосязаемой дымкой таяло и уходило от нее. Только голос нет-нет, да и настигал ее – то во сне, то подавлял за каким-нибудь занятием. Женщина сидела перед зеркалом и, видя в нем свое отражение, не могла поверить, что превратилась в существо, так мало похожее на нее. Лицо изборождено морщинами. В потухших выцветших глазах не было ни искры эмоций и желаний. Редкие седые волосы, как сосульки, спадали челкой на лоб и косичками заплетались на шее, обвязанной легким газовым шарфиком.

Она не понимала – это продолжение сна или явь. Еще мгновение назад не удавалось открыть слипшиеся ресницы, чудилось ей, что она парит над своим телом. Рука онемела, и

она вроде хотела проснуться, и не хватало сил этого сделать. Не могла повернуться на другой бок, было ощущение, что куда-то уходит, вернее, просто вылетает из собственной оболочки. И делать ей это не вмоготу, она не хочет с ней расставаться, потому что еще не совершила, главного. Но что было этим главным – не осознавала. Тогда она начинала сама себя тормозить. Пыталась раздвинуть отяжелевшие веки, просто приподнять их, но они опять закрывались, впадала в сонливость, из которой казалось, нет выхода. Порой ей даже мерещилось, что вовсе не дышит, но неожиданно какой-то толчок выводил из этого состояния и, ощущая тяжесть во всем теле, она вставала с постели.

Когда же просыпалась – не осознавала – кто она? Вроде все было знакомым, но в тоже время на нее веяло чем-то чужим, свалившимся неизвестно откуда, непонятно почему. Вот и сейчас сидя перед зеркалом, Женщина не могла осмыслить, где она находится – в своем будущем, там за зеркалом, или прошлом – настолько все перепуталось в сознании. Будущее представилось ей зеленым пастбищем, отворившим свои просторы. Она никогда не видела такой бесконечности и была она девочкой – подростком, которая вместе с другими из ее племени, под водительством Патриарха, двигалась к земле Кнаан. В пути Патриарху и вышедшим с ним людям скучать не приходилось. Они часто видели караваны, возвращавшиеся из Египта.

Бородатые торговцы рассказывали о Кнаане и великом царстве фараонов. После долгих недель странствий путники увидели перед собой древний город, о котором много слышали. Переход оказался трудным. Изможденным усталым людям и животным необходим был отдых. Чтобы люди и животные после тяжелого перехода могли отдохнуть, набраться сил, Патриарх приказал разбить шатры у городских ворот, а сам поспешил с дарами к местному правителю – просить о гостеприимстве. Пока сородичи Патриарха знакомились с городом и людьми, проживавшими там, он проводил все время в приобретении вещей необходимых для дальнейшего похода, ни на минуту не забывая о цели своего пути – Земля Кнаан.

Но внезапно представление Женщины о будущем, сменилось картинами далекого прошлого. Сейчас она ясно видела выгоревшее за лето голубое небо в белых разводах облаков. Вдруг оно заволокло черным покрывалом туч, ослепленных красным заревом разорвавшихся бомб. Но совсем недавно уже была участником таких событий – разорвавшихся бомб, ракет, стонов и криков людей. Почему-то те – прошлые взрывы – и современные превращались в прямую линию, словно все происходило одновременно. Но она-то знала, что между этими взрывами стояли десятилетия. Во время тех первых взрывов она была ребенком, увозимым взрослыми от тяжести развернувшейся войны и для сохранения жизни в далекий тыл, изрытый арыками и напоенный долгими солнечными лучами. Бабушка, не стала надеяться на гуманность немцев, схватив ребенка, ринулась вместе с ней в неизвестные ранее земли, с пустынными ветрами и палящим солнцем. Там, извиваясь, бежали арыки с журчащей водой, неся прохладу и отдохновение. Будто чувствовала – к похожим пейзажам, так напоминавшим юность ее предков, судьба приведет любимую внучку.

И снова Женщина захотела увидеть будущее и не желала отвлекаться на воспоминания столь далекого времени. Хотелось покоя, умиротворенности, может, от этого она видела опять себя девочкой, но только не у арыков, а в гуще соплеменников, которых с огромным удивлением и любопытством разглядывали жители открывшегося им древнего города. Видно зрелище и в самом деле было занятным. У черных шатров из козьей шерсти хлопотали мужчины и женщины, бегали дети. Их одежда совершенно не походила на белые бурнусы бедуинов – жителей близлежащей пустыни. Мужчины носили на бедрах сине-красные полосатые юбки. В холодные дни они надевали на голое тело рубашки с короткими рукавами и набрасывали на плечи пестрые плащи, которые ночью заменяли им одеяла.

Излюбленным цветом женщин был зеленый – именно он преобладал в их одежде. Под длинными плащами тела облегали яркие туники. Голову женщины закутывали наподобие чалмы. Были они кокетливы и не пренебрегали украшениями. От прохладных ночей, от пас-

тухов в козых одеждах, греющихся возле костров, от темного балдахина южного неба, сплошь усеянного яркими светильниками звезд, как дно морское песчинками, создавалось у девочки ощущение вольности просторов, дыхания свободы, ее сердце замирало, и ликующая душа поднималась в поднебесье. Все в такие ночи будоражило ее: и загадочные очертания шатров и звуки трогательных песен, исполняемых под аккомпанемент маленьких лир, неземная красота женских и закаленность мужских лиц. Девочка старалась все виденное впитать в свою хрупкую душу, оставить ее в звенящем радостью состоянии навечно. Она ощущала себя единым целым с этой массой людей, уже которую неделю устремленной в неизвестную землю, поверив своему Патриарху и Всевышнему, обещавшему ему благоденствие в этой земле.

– Вот так бы остаться навсегда вместе, – размышляла девочка, глядя в ночную беременную луну, ярко светившую в отверстие шатра. Потянувшись, почувствовав, что сон коснулся глаз, сомкнула их. – Когда стану взрослой, – подумала она, но что сделает, додумать не успела, так как услышала, что откуда-то из далекого – далека, до нее доносились непонятные звуки, словно крались враги. Звуки, усиливаясь, ломались на ходу, будто преодолевали огромные препятствия и неожиданно вылились в слова.

– Нас выселяют, выселяют, – раздирающим тишину, плачущим собачьим воем, стонала соседка по коридору незамысловатого съемного коммунального жилья, в котором Женщина пребывала не одно десятилетие своей жизни на земле предков. Ведь не впервой она слышала это словосочетание, которое по ее представлению, влекло насилие, лишение чего-то дорого, безвозвратно утерянного. И каждый раз, при произнесении этого слова, ее сковывал страх. И сейчас это леденящее чувство охватило ее душу. Через мгновение почувствовала – внутри все обмякло, усталость разлилась по телу. Оторвав взгляд от зеркала, Женщина равнодушно оглянулась на дверь, не зная встать или нет из кресла, выйти ли в коридор на вопль соседки. Покидать видения будущего не хотелось, она осталась в кресле, но соседка неугомонно продолжала звать о помощи. Своими завываниями, крушила еще недавно плотно стоявшую тишину общежития, выводя все и вся из равновесия. Она твердила одну и ту же фразу, сквозь которую тяжелым градом бились слова об пол: «Нас хотят уничтожить». Будущее, незаметно для Женщины начало исчезать, испаряясь и плывя в прозрачной пелене облаков, унося с собой безграничность красот зеленных пастбищ и балдахин ночного неба. Печаль, повиснув на душе, затуманила ее взгляд. Слово «выселяют» невольно отпечаталось в памяти, правда, совсем другими интонациями, совсем другим его посылом.

Тогда она жила вместе с бабушкой, матерью и дядей в маленькой комнате. Ее туда привезли ребенком из тех солнечных мест и арыков, где вместе с бабушкой и мамой отсиживались, скрываясь от пушечных раскатов войны, от взрывов поездов и разорванных тел, которые не успевали хоронить. Именно тогда, по прошествии нескольких лет после окончания войны, в десятилетнем возрасте, узнала впервые, что есть Бог, в которого верят и то, что она еврейка. В ту пору была бабушка – жилистая властная старуха, руки которой в любое время года становились красными от холодной воды. Маленькие, близко посаженные карие глазки, разделялись переносицей широкого короткого носа. Курносость придавала лицу простое незатейливое выражение, какую-то даже безликость. В общем, внешность ее типичными национальными чертами в толпе не выделялась. А глазки, именно глазки, создавали впечатление, что просверливали тебя насквозь.

Мама, грузная сорокалетняя женщина, отличалась, некой породистостью. Огромные светлые глаза оттенялись темными волосами. Раздувавшиеся крылья греческого носа, придавали скуластому ее лицу энергию и даже некую взволнованность. Из-за перенесенных мамой болезней, бабушка тянула весь дом на себе. После окончания фармацевтического техникума мама работала в отделе ручной продажи центральной аптеки Москвы. В свободное от работы время лежала на диване, а если были силы – ходила с подругами в театр.

Вместе с ними жил сын бабушки, брат мамы. Дядя работал в органах безопасности. Оттуда он ушел на фронт и туда же вернулся после тяжелого ранения под Сталинградом. Через много лет она узнала, что дядя занимался подготовкой разведчиков для фашистского тыла. Он также как и сестра был высок ростом и грузноват, но в отличие от нее, носившей на голове огромную шапку темных волос, череп его был гол и блестел на солнце. Дома девочка его почти не замечала и очень мало с ним разговаривала. Приходил он с работы поздно ночью, перед рассветом, когда она еще спала. Потом, видели дядю около шести вечера следующего дня, когда появлялся с работы. Он обедал, затем спал часа два и вновь уходил до рассвета. И так ежедневно. Жила семья на первом этаже старого московского дома в центре города в одиннадцатиметровой комнате с отдельной трехметровой кухней и отдельным тамбуром входом. Эту комнату за хорошую учебу в институте получил дядя на двоих со своим сокурсником. Еще до войны сокурсника отселили, потом, как «врага народа», посадили и во время войны отправили в штрафной батальон, где он и погиб. Об этом также девочка узнала много лет спустя, когда стало возможным говорить о таком явлении, как «враг народа». В этой комнате-квартире никаких удобств не было кроме водопровода и электричества. Но для семьи и соседей, такие «хоромы» считались неестественной роскошью, манной небесной упавшей с неба.

Как и дети той поры, девочка чуть ли не круглосуточно, не считая занятий в школе, с нерастрченной энергией прыгала на асфальте в «классики», «лягушки», через веревочку, носилась в «салочки» и «прятки». Да мало ли было игр, которые занимали досуг детворы. Она любила своих близких родственников и свою героическую родину, даже с полной уверенностью не могла утверждать – кого больше. Ее страна самая замечательная, самая радостная, самая справедливая из всех стран, когда-либо существовавших на свете – это прививалось ей, как и всем остальным. В школе, кино, в песнях, звучащих ежедневно по радио не только в домах, но и на улицах, из установленных на крышах домов громкоговорителей.

Никого не удивляло, что, выходя во двор, девчонка, просто «горланила» свою любимую песню: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская земля». Ее легкие до отказа наполнялись воздухом, и почти на одном дыхании выкрикивала весь куплет. Не раз в припев песни вступал голос самой лучшей ее дворовой подружки (двумя годами старше) Зойки Тюриной. «Могучая, кипучая, никем непобедимая страна моя, Москва моя – ты самая любимая» с удвоенной силой неслось в воздухе. Война ко времени этих песнопений закончилась около трех лет назад, поэтому девчонки уже точно знали, что их страна самая непобедимая, а Москва – самая любимая. Потому из-за всех сил старались петь еще громче и еще лучше, чтобы все жители дома знали, как они гордятся своей страной и своей Москвой.

И вот к десяти годам девочка узнала, что есть он, Бог, то есть кто-то недоступный человеческому разуму, в которого верят и, что она еврейка. Именно к этому моменту она усвоила, что идет борьба за лучшую жизнь, а лучшей жизни многое мешало. Детское ощущение складывалось из того, что вокруг Страны – капиталисты, ненавидящие прекрасную ее Страну, желающие только ей «погибели». Капиталисты хотели, чтобы и война была Страной проиграна. «Ну, уж дудки!» Ничего у них не вышло. Так теперь они хотят подорвать Страну изнутри. Засылают разных шпионов, негодяев, подонков, которые подстрекают ненавидеть нашу Родину.

– Обо всем этом девочка услышала сначала от Зойки, потом в школе. Как-то греясь на весеннем солнце, сидела с Зойкой на бревнышке около подвальной крыши, рассказывая друг другу последние сплетни, услышанные ими. Они поджидали Фатиму – девочку татарку, хромонный отец которой работал истопником в котельной дома. Ни раз, забираясь к нему в котельную, девчонки смотрели на широкий взмах его руки, закидывающей лопату с углем в топку. Из подвала они выходили покрытые угольной пылью. Фатима была немного старше Зойки, но это не мешало им дружить и на равных обсуждать новости двора: у кого отец пришел пьяный, у кого мать таскали за волосы, когда надо идти записываться на муку, у кого можно выпросить

веревку, чтобы попрыгать, в общем, тем для обсуждения хватало. Но Фатима все не шла, а они вроде бы все уже переговорили, и тут Зойка произнесла.

– Знаешь у нас теперь полно шпионов. И все это евреи. Они все с капиталистами заодно. Они ненавидят нас. – Зойка, будто собираясь произнести что-то запретное, заговорщицки приблизилась к девочке. Неожиданно рот подружки наполнился воздухом, губы сжались, щеки, покраснев, надулись. Лицо Зойки напоминало воздушный шар. Вдруг раздался щелчок, воздух с невыносимым усилием устремился наружу из шара, и до девочки долетела рубленая фраза.

– Они все подонки! – Слово девочку ошеломило своей неизвестностью, некой, что ли первозданностью, и она с ужасом в голосе спросила подругу – И откуда они берутся? Их что, забрасывают?

– Не знаю, – ответила Зойка, – папа сказал с ними надо бороться. Надо бороться за лучшую жизнь. Когда мы будем взрослые, у нас будет коммунизм. Всего досыта. Хлеба не только черного, но и белого, даже пирожных и мороженного. Всего-всего вдоволь. Только надо немного потерпеть. Будет лучшая жизнь, если мы их всех выведем. Чтоб ни одного не осталось.

– Да – протянула девочка, не зная, что ей еще сказать. Единственное, что она поняла – надо бороться, чтобы ни одного еврея, мешающего жить, делать сытую жизнь с белым хлебом и пирожными не было. Девчонки тут же забыли обо всем, потому что выбежала Фатима, а они собирались прыгать. И тут Зойка, словно ее что-то осенило, произнесла:

– А где же веревка?

Девочка стремглав бросилась в открытую дверь квартиры, чтобы вытащить из бельевого бака предмет мечты и зависти всех девчонок округи – бельевую веревку. В квартиру она влетела столь неожиданно, что бабушка, сидящая за обеденным столом с раскрытой толстой книгой, не подготовленная к внезапному появлению внучки, по инерции продолжала читать вслух на незнакомом языке. Девочка ошарашено смотрела на бабушку, для нее было откровением, что старая женщина сидит с открытой книгой и читает ее. Ведь точно знала, что бабушка безграмотная старуха. Еще недавно учила бабушку по букварю слогам. Первая фраза, прочитанная старой женщиной, стала «рабы – не мы. Мы – не рабы». А сейчас она не только водила пальцем по тексту, явно читая его, так еще произносила слова совсем не на русском языке. В какое – то мгновение девчонку сковал страх. Ей почудилось, что бабушка занимается чем-то недозволенным, чуть ли не колдовством. Но ребенок очень хорошо усвоил, что колдовство это сказки и выдумки старого времени. – Что ты делаешь?! – воскликнула девочка. Видно ее лицо выражало такое недоумение, что бабушка сама пришла в замешательство и, не успев ничего придумать, откровенно призналась.

– Молюсь. Молюсь нашему еврейскому Богу.

– Когда бабушка произнесла «молюсь», да еще «еврейскому Богу» девочка застыла. Ей показалось, что бабушка нарушает закон. Ведь в школе учили, что Бога нет. Всякое прославление его – это выдумки капиталистов, буржуев и царей, чтобы «крепче держать народ в своих лапах». Но самым главным для девочки было слово дяди. В свое время он подтвердил, что Бога нет. Его слово никакого сомнения у нее не вызывало. Во-первых, все материальное благополучие ее семьи держалось на его зарплате, мама в аптеке получала триста рублей, у бабушки денег просто не было. Во-вторых, даже скорее, во-первых, он служил в таком месте, куда не каждого человека пошлют работать. Девочка не раз слышала одну и ту же фразу, с гордостью произносимую бабушкой и мамой. Мол, дядя «такая умница, такая умница, поэтому-то его и взяли туда». При слове «туда» они многозначительно переглядывались. Казалось, что в этот момент воздух в «оцепенении» зависал над ними. Женщины настолько проникались важностью деятельности сына и брата, что возникало ощущение, будто они сами под утро возвращались домой.

Но было еще одно обстоятельство, почему любое слово дяди становилось для девчонки самым значительным и самым верным. Однажды дяде выпала честь пойти на парад, на глав-

ную площадь страны. Взял он и племянницу. Там она окунулась в море ликующих и славящих людей, стала участником того, о чем многие могли только мечтать. Своими глазами видела живого вождя «солнце эпохи». Купалась в лучах, исходящих от этого «солнца». Самого любимого, самого родного, самого, самого.... И ответ живого божества, словно упал теперь и на девочку, делал ее что ли «выше и избраннее» всех детей того двора. А что же сейчас видит ребенок – бабушку, которая молится, Богу, да еще еврейскому. Все это молнией пронеслось в голове подростка. Она еле расслышала конец фразы:

– Хочу, чтобы вы были здоровы, чтобы ты могла смеяться. Чтобы я дожила, когда моя внученька поступит в институт. Вот я и прошу Бога, чтобы был добрым к вам. Бог, Он мудрый, нас всех около себя держит, стараясь помочь и сберечь.

Бабушка еще что-то попыталась сказать, но девчонка ее оборвала.

– Не смей больше молиться. Бога нет. Поняла? Его придумали до революции. После революции все знают, что Бога нет. Сейчас же повтори, что Бога нет. – Бабушка категорически отказалась, и ребенок стал приставать к старой женщине со своим требованием.

– Если не повторишь – я..., – но закончить свою угрозу не успела. Внезапно ее просветительская деятельность была прервана. В окно барабанила Зойка, напоминая о веревке, которую девочка обещала вынести во двор. Ее внимание переключилось: она забыла о Боге, о евреях и бросилась к бельевому баку, где лежала вожденная веревка.

– Куда, – бабушка уже держала ее за подол платья. – Никакой веревки. Я белье буду вешать. Нелька больше не выйдет, – будет делать уроки, – крикнула она Зойке.

– Но ты, же обещала дать веревку. Я похвалилась, что дашь. Дай хоть на полчасика. Приду и сделаю уроки, – канючила девчонка, хватая бабушку то за одну руку, то за другую, потому что та одной держала веревку высоко над головой, а другой отталкивала внучку. Бабушка неумолимо стояла на своем. Тогда ребенок разозлился выпалив:

– Вот придет дядя на обед, скажу, что молишься Богу, да еще Богу еврейскому. Евреи все шпионы, их к нам засылают. Тут старая женщина так «огрела» внучку, что она разревелась на всю квартиру.

– А ты кто? Еврейка. Такая же, как мама и я. Дядя тоже еврей.

От бабушкиных откровений с девчонкой случилась истерика. Значит, она принадлежит к ним, к тем самым, к кому после Зойкиных слов ее охватило омерзение. Неужели это правда? Она не поверила бабушке, решила дождаться с работы дядю и спросить у него. Не успел он войти в квартиру, снять сапоги, как она уже подскочила к нему:

– Это правда, что мы евреи? Ведь они шпионы, подонки – Нелька вспомнила Зойкино слово, произведшее не нее такое неизгладимое впечатление – Они хотят уничтожить нас. Они все плохие люди!

– Не все, – ответил дядя. – Есть и хорошие, их больше. В его голосе звучало как бы извинение за плохих евреев. – Разве мама плохой человек, а я? Подумай, мог ли поступить на работу туда, где работаю. А разве бабушка похожа на шпионку? Какие сведения она может передавать?!

– А зачем она молится Богу, да еще еврейскому. Его же нет.

Эти воспоминания совсем не грели сердце Женщины, еще мгновение назад ей было так легко, душа устремлялась звенящим колокольчиком ввысь. И опять будущее возникло перед ней. Она увидела изнуренных путем людей, расположившихся в пустыне, напротив горы Синай. Скалистый массив своими загадочными очертаниями навевал непонятную тревогу и беспокойство. Посмотрев по сторонам, соплеменники увидели близлежащую местность – она подходила для освоения и заселения. Перед их взорами предстали наполненные водой водоемы, растущие финиковые пальмы и деревья. Они годились не только на топливо, но и как строительный материал. Было решено – надо в этой местности остановиться. Благодаря уму и таланту Пророка в стане был обеспечен порядок управления, раздираемыми внутренними

склоками, людьми, которые зажили шумной жизнью. Мужчины занялись ремеслами, женщины стряпали, пряли, ткали, дети весело играли между шатрами.

Девушка-пастушка, еще недавно находившаяся около стада овец, влетела в шатер – она узнала, что Вождь собирает людей для важного сообщения. Налив воду в огромную глиняную вазу, заглядывая в которую она видела свое отражение, девушка начала чернить волосы антимонием, затем подкрасила веки малахитом и растертой в порошок бирюзой, а губы и щеки помазала красной охрой. Затем повесила на шею несколько ожерелий из разноцветного бисера. Когда закончила прихорашиваться, еще раз придирчиво посмотрела на свое отражение и, видно, очень себе понравилась. Ее рот освежила белозубая радостная улыбка.

Она вскочила – серебряные браслеты, блестящие на руках и ногах, от соприкосновения друг с другом мелодично зазвенели – и бросилась вон из шатра. Девушка не хотела пропустить и одного слова, сказанного Пророком. Счастливая весть облетела стан – Всевышний заключает с ними Союз и отныне они будут не племенем, а народом. Но прежде, чем они заключат Союз, все должны выстирать одежды свои и соблюдать трехдневный пост, чтобы достойно подготовиться к Великой минуте. В едином порыве вместе со всеми она прокричала: «Все, что сказал Бог, сделаем»

Вдруг взор ее покрыла черная пелена огромной тучи, подгоняемой шквалистым ветром. Кружа и круша все вокруг, он взмыл поднебесье, обвив своими крепкими объятиями девушку, и тут же разомкнул их. Почувствовала, что проваливается в неизвестность, из которой будто чеканность шага, отрывисто летело.

– Бога нет – это точно. Но пожилым людям кажется, что Он есть. Бабушка наша старая, поэтому ей разрешено молиться. Со стариками у нас уйдет и вера в Бога. Потому что все знают – Его нет. Ты же не видела, чтобы я молился, чтобы молилась мама. Лучше принеси-ка мне из-под крана воды.

Дядя послал девчонку на кухню и прикрыл дверь в комнату, но она успела подслушать, как он негромко выговаривал бабушке.

– Ты что не видишь, что кругом творится. Погубите себя и меня. Зачем при ней молишься. – Бабушка оправдывающимся голосом что-то произнесла на непонятном для девочки языке. Она уже входила в комнату и слышала, что дядя на том же языке ей отвечает. Вот тогда-то впервые она заявила: «говорите по-русски. Я хочу знать, что вы говорите».

Тебе рано знать, ты еще маленькая. Запомни, евреи такие же люди как все, – сказал дядя. – Я, мама, бабушка честные люди. Любим свою Родину. Каждый ребенок должен любить Родину и жить для нее, уметь...

Произносил он простые слова, но как-то уже больно торжественно. Словно выступал перед большим количеством народа с трибуны, девчонке даже показалось, что дядя читает передовую статью газеты. Он еще говорил, но она его не слушала, стала думать о том, как завтра незаметно утянуть у бабушки злополучную веревку и доказать Зойке, что сможет проскакать не только «холодные», но и «горячие» прыжки. Пока Неля сидела на диване и представляла кражу веревки из бака, неожиданно пришла из театра раньше времени мама. Еще с порога она каким-то трагическим голосом выдавила из себя.

– Погиб... – имени девочка не расслышала. Но они вдруг так быстро заговорили, будто стрекотали сороки, на своем языке. И опять стала кричать, произнося одни и те же слова: «говорите по-русски», но они будто не слышали ее, продолжая говорить на непонятном для нее языке. Вдруг ясно услышала одно слово – Михоэлс.

Прошла неделя, а может – быть и больше с тех пор, когда Зойка «открыла» ей глаза. Занятия в школе закончились, началось лето. Зойку с того раза она не видела. Неля почти на месяц уехала за город к знакомой мамы. Когда вернулась в Москву, сразу же побежала к Зойке, но дома ее не застала. На следующий день Неля услышала стук в окно, отодвинув короткую

занавеску, увидела выгоревшую на солнце белесую голову подруги. Та молча, манила девочку рукой и, когда Неля высочила из дома, Зойка произнесла.

– А ты ведь еврейка. Вот уж никогда не думала, – первое, что проговорила она. Вероятно, в течение месяца, узнанная новость о Неле не давала ей покоя. – Мама сказала, мы можем дружить. Вы хорошие евреи, а то б твоего дядьку выгнали с работы. Есть евреи, а есть жида, так вот вы евреи. Будем и дальше с тобой водиться.

От Зойкиных слов девочка почувствовала некую гордость за себя, за своих родных. Она словно прошла труднейший экзамен на доверие боготворимой подруги и ее родителей. И опять озарилась светом парада, на котором однажды побывала вместе с дядей.

– А зачем к вам ходит эта еврейка. Она ж грязная жидовка, – Зойка удивленно посмотрела на Нелю. Надо сказать, что с недавних пор «эта еврейка» просто повадилась ходить к ним в гости. Бывала она в этом доме и раньше, вернее всего раза – два год назад, а теперь же, как припоминала девочка, чуть ли не ежедневно «заваливалась» к ним в дом.

Ревека Яковлевна – так звали женщину – стала бабушкиной «подружкой». Была она много младше бабушки и даже казалось, что она почти ровесница с ее мамой. Правда, как недавно подслушала девочка, к большому огорчению бабушкиной приятельницы ее «такая юная девочка, ведь только исполнилось 18 лет – беременна. Поэтому в скором времени выходит замуж»

Ревеку Яковлевну Нелька сразу невзлюбила. Она злила ее своими замечаниями: то девочка грубо ответила бабушке, то детям не положено вступать в разговоры взрослых. В общем, все время старалась поучать ее. Выглядела Ревека Яковлевна, в отличие от чистюли бабушки, неряшливо и «непромыто». Всегда оторванный подол засаленного зеленого сарафана вызывал брезгливость у Нели. И не раз она слышала, как бабушка предлагала ей свою помощь. Мол, она сама ей намертво пристроит оторванную подпушку. Но «подружка» бабушки отказывалась. Ревека Яковлевна неизменно обещала, что «уж сегодня вечером, придя домой, непременно подошьет».

– Нам нельзя быть грязными, надо всегда блюсти себя. – Почему-то эту фразу, произнесенную тогда бабушкой, Женщина запомнила на всю жизнь.

Злило Нелю еще то, что бабушка Ревеке Яковлевне уделяла столько внимания, будто та была для нее главным человеком в жизни. Старая женщина не обращала никакого внимания на капризы девочки, которая крича на весь дом, умоляла, чтобы Ревека Яковлевна к ним больше не приходила. Видя, что мольбы не помогают, Неля начала хитрить. Говорила, что своими разговорами мешают ей делать уроки. На какое-то время выдумка Нели подействовала, и Ревека Яковлевна перестала приходить в присутствие девочки, чему та была очень рада. Хитрюга сыграла на благоговейном отношении бабушки к образованию. То, что она училась когда-то еврейской грамоте – не в счет. Все это было до революции и сейчас никому не нужно. По разумению Нели, бабушка – безграмотная старуха, ведь это она обучила ее слогам и буквам. Как и многие простые люди того времени, бабушка, так виделось Неле, преклонялась перед теми, кто учился в институтах, а затем их закачивал. Слово инженер обладало для старой женщины особой магией. Наверно, она считала, что оно открывает смысл жизни и секреты благополучия. Если бабушка узнавала, что кто-то из знакомых стал инженером – этот человек приобретал в ее глазах небывалый вес. И тут уж к делу и не к делу, она, всегда называя его имя, ставила внучке в пример для подражания.

Так длилось столько времени, пока сознание бабушки не затмевал ореол нового имени. Возможно, прошлое имя было «сбито с пьедестала» каким-нибудь поступком, никак не совместимым со званием инженера. Вероятно, такие ошибки происходили у нее от того, (как казалось тогда девочке) что она жила еще по – старинке, то есть пережитками старого, дореволюционного, как и вера в Бога. Бабушка благоговейно относилась к этому званию, потому что воссоединяла в нем все свое понимание об уме, знании, интеллекте и каком-то высшем проис-

хождении человека. Может – быть, в те времена бабушка еще считала, что это удел немногих людей, как это было до семнадцатого года.

Как многие дети, Неля была любопытна. Ей очень хотелось знать, о чем говорят взрослые. Не раз она притаивалась у дверей, стараясь подслушать, что так горячо обсуждают бабушка и Ревека Яковлевна. Чаще всего понять ничего не могла. Разговоры шли на непонятном для нее языке. Когда в ее присутствии появлялась Ревека Яковлевна, то всегда происходило одно и то же, ставшее уже ритуалом – обсуждалась успеваемость девочки в школе. Это доставляло подростку крайнее недовольство. Потому что не только отличницы, но и хорошей ученицы из нее не получалось. Нет-нет, да и просила она бабушку не говорить Ревеке Яковлевне об ее постоянных тройках, а иногда и двойках. Бывало, они при ней перекидывались какими-то неизвестными словами, значения которых она не знала. Вскоре бабушка заметила, что вроде бы внучка сидит за уроками, а сама прислушивается к разговорам. Тут-то впервые Нелюкку выпроводили во двор. С тех пор стоило Ревеке Яковлевне придти к ним в дом, как бабушка выставляла внучку на улицу. Так длилось до того дня, пока, как было сказано раньше, девочка не устроила скандал, что подруга бабушки мешает делать ей уроки.

Но теперь стояло лето, никаких уроков не было, мама успела привезти Нелю из-за города. И два дня назад Зойка уже высказала свое презрение к бабушкиной приятельнице. Девочка сидела у раскрытого окна. Гулять ей не хотелось. Зойка уехала в пионерлагерь, Фатима с братом и сестрой отправилась в далекую татарскую деревню, и ей ничего не оставалось, как строить рожицы недавно родившемуся малышу соседки со второго этажа. Соседка, ставила коляску всегда возле их окна, чтобы бабушка вовремя могла выбежать и покачать ребенка, если он разревется. Иногда качала его Неля.

Малыш смотрел на нее широко расставленными глазами и ей, казалось, что она его развлекает. Неожиданно Неля увидела направляющуюся к ее двери «эту еврейку». Теперь про себя стала звать Ревеку Яковлевну только так. Ревека Яковлевна только успела войти в дом, поздороваться с бабушкой как Неля уже стояла возле женщины. Переводя презрительный взгляд с бабушки на нее, очень спокойно, каким-то отсутствующим голосом, лепя букву к букве, проговорила:

– Скажи этой еврейке, чтобы она к нам больше не ходила. Нечего этой грязной жидовке у нас делать.

Обе женщины в растерянности, ничего не понимая, смотрели на Нелю. Видно смысл сказанного еще просто «не докатился» до них. Но тут бабушка опомнилась и дала девчонке звонкую затрещину. Как сейчас вспоминает Женщина, тогда ей взгляд бабушки показался странным – ее обычно сверлящие глаза, были затуманены несвойственной слезной пеленой. Бабушка «взашей» вытолкнула Нелю в тамбур, откуда та по инерции выскочила во двор. Но девчонка чувствовала «спиной», вернее еле слышала почти заискивающую интонацию, с какой бабушка извинялась перед Ревекой Яковлевной. Оказавшись во дворе, встала около своего окна и очень громко выпалила:

– Пусть она уйдет эта грязная жидовка, пусть она уйдет!

И Ревека Яковлевна ушла, наверно, она пожалела бабушку – не дай Бог, чтобы еще соседи слышали эти выкрики. Почти до ночи Неля «болталась» по улицам гордая за себя, что сумела выжить бабушкину подругу из дома. Когда же вернулась домой, никто ее и пальцем не тронул. Только мама сказала.

– Зачем ты ей сделала больно? Ей очень плохо. Ее уволили, от нее уходит дочь. Кто тебя научил?

– Она грязная..., – Неля не успела закончить фразу, потому что пятипальцевое клеймо бабушкиной руки крепко запечатало ей рот. Кто-то из соседей пришел к бабушке за спичками.

Почему Женщина сейчас все так подробно вспоминает. Да только потому, что тогда впервые ощутила чувство страха у своих родных. И наяву, Женщина видит, как глубокомысленно умолкали мама и бабушка, если она оказывалась рядом с ними.

Они только и делали, что обсуждали ее школьные дела. Но случалось и так, что у них возникала необходимость сказать друг другу что-то важное, то переходили на еврейский язык. Непонятная тишина затаилась в доме, от которой и Неле становилось страшно, именно в те моменты они говорили, чуть ли не шепотом, обменивались какими-то полунамеками и восклицаниями. Короче жизнь взрослых никак не связывалась с ее жизнью шумной дворовой, где она была таким же ребенком, как и все вокруг.

Это сейчас Женщина понимает, что уже в детстве сталкиваясь с внешним миром, человек придумывает свою роль в нем. Также придумывает людей и отношения с ними. Можно сказать, что мир иллюзий, в котором он находится, внешне имеет вполне реальную, осязаемую оболочку.

Именно в те годы Неля и начала придумывать себя, какой ей быть, чтобы отличаться от Ревеки Яковлевны. Подруга бабушки в еще не оформившемся сознании девочки олицетворяла ту часть еврейского народа, определяемую Зойкой понятием «жиды».

Класса до четвертого Неля не слышала, чтобы ее одноклассники интересовались национальностью друг друга. Интерес пришел к концу сороковых годов. После Зойкиных разоблачений шпионов, когда Ревека Яковлевна была «выгнана» из дома, Неля впервые услышала о «еврейской трусости». Начался очередной учебный год, Одна из одноклассниц, Таня Глухарева, на большой перемене подошла к Неле. С чего начался разговор, Женщина сейчас не помнила. Только тонкие губы растянутого рта, будто разрезанного лезвием, стоят перед глазами. Говор тянувшийся, вязкий, та выдавливалась из себя, все равно, что крем из тюбика. Он вроде приклеивался к тебе. И вдруг на одном дыхании летит, доносится до ушей:

– Евреи все трусы. Сейчас многие скрываются и пишутся русскими. Линка Виленская была еврейкой, а стала русской. Я сама в журнале видела. Все знают и смеются.

А больше всего на свете Неля боялась быть смешной. Поэтому решила, никогда из-за трусости не будет скрывать свою национальность, докажет, что ничем не отличается от других детей.

Шлейф туманных картин окутывал сознание Женщины. Некоторое время назад в зарубежной поездке встретила хорошую приятельницу, с которой не виделась более 20 лет. Разговорились, и первое, что услышала:

– Знаешь, ты была первым человеком в моей жизни, вызвавшим удивление.

– Почему?

– Помнишь, как я приняла тебя за грузинку? Нисколько не смущаясь, не сжимаясь от неудобства «унизительного оправдания», простодушно ответила – я еврейка. – В первое мгновение, услышанное мной, показалось не по возрасту глупой непосредственностью. Скажем не дальновидностью. Это изумило, просто поразило меня. Ведь многие скрывали. Но, потом ощутила гордость в ответе. С тех пор, кроме уважения, ты другого отношения у меня не вызывала.

– Да, – ответила Женщина, – были такие времена. Люди хотели жить спокойно. Таких «удивленных» в ее жизни было много. Но сейчас простор доверчивости и простодушия, незамутненность и невинность мыслей тех лет, вызывали некий праздник в душе. И еще Женщина понимала сейчас, что надо держаться прямо и не отступать от принципов, которые помогают выжить в этом мире, не уронив своего достоинства. Она вроде бы заглядывала в зазеркалье и с теперешним знанием видела совсем другую реальность. Ту, что совмещает в себе добро и зло одновременно. Именно это и есть истина, где ничто не оправдывается и не обвиняется. Просто это другая реальность.

А тогда Неля играла не только в обычные детские игры, но озорничала так, что постепенно превращалась в маленькую хулиганку. К четырнадцати годам научилась отпускать

нецензурные слова, плевать сквозь зубы, отчаянно драться с мальчишками, бить оконные стекла и несколько раз затягивалась папиросой. Однажды была задержана милицией, откуда ее, просто «изъял» дядя, пока работавший в органах безопасности.

Была еще одна причина ее столь «из рук вон плохого» поведения. Она стала выступать на публике, придумав игру в «национальность». Совершая какой-нибудь проступок, она заранее знала, какое он вызовет недоумение у посторонних людей. Они, никак не могли «взять в толк» – девочка с такой внешностью, непристойно ругается, словно последний «забуддыга». Человек, озадаченный услышанными выражениями, непременно спрашивал «какой же она национальности?» На что неизменно отвечала.

– Еврейка.

Ее с ног до головы окидывал недоверчивым взглядом, даже некоторая оторопь звучала в голосе вопрошающего. Пристально всматриваясь в нее и, словно, рассуждая сам с собой, произносил.

– Совсем на еврейку не похожа. Евреи не такие.

– А я такая, – нагло уставившись на опешившего «зрителя», Неля бесхитростно улыбалась в ответ. Душа ее просто замирала в этот момент от удовольствия. С каждой последующей игрой все больше утверждалась в мысли, что граница между ней и Ревеккой Яковлевной из узкого ручейка превращается в полноводную широкую реку, которую не перейти вброд, не переплыть на лодке.

Получалось, что в первую очередь она сама ломала стереотипное представление о евреях, о котором узнала как в школе, так и во дворе. И этот придуманный ею образ все сильнее вживался в нее, становясь ее сущностью. Вполне возможно, поэтому в последующие годы не только посторонние, но и друзья не раз произносили реплику, что только внешность связывает ее с «этой нацией». «Эту нацию» конкретно не обозначали, столь не терпимое было к ней отношение.

Неля вела себя все хуже и хуже, потому что дома ее монотонно журили и не принимали никаких мер. Только бабушка время от времени сокрушенно восклицала: «Господи, что же из нее получится?! Это же позор для всей нации».

Сейчас Женщине казалось, что таким бездействием по отношению к ней ее родственники подчеркивали свою лояльность государству, понимая, что о мыслях взрослых оно судит по поведению детей. Может – быть, от чувства страха перед неизвестным будущим им было легче смириться с ее хулиганством, чем, если бы она «выносила во двор их размышления о жизни». Поэтому своим воспитанием она занималась сама.

И еще, как поняла Женщина, происходило такое от того, что большинство всегда придерживается одной модели, по которой протекает осмысленная жизнь населения. В упрощенном представлении она утверждалась в детских садах, в начальных классах школы, приучали слушаться старших, особенно учителей, то есть наставников. Для взрослых незыблемым правилом становилось выполнение указаний начальства, так как в понимании государства народ оставался несмышленным ребенком. Именно начальство играло роль мудрого наставника.

Но однажды ее «игре» пришел конец. Как уже говорилось, Неля придумала себе «образ уличной оторвы», который чуть не стал ее сущностью. Ведь к четырнадцати годам, с одной стороны превратилась в отъявленную хулиганку, а с другой – стеснительную девчонку, страдающую от длины своего носа. Ее «амплуа» вызывало раздражение и у посторонних людей, и у дворовой шпаны. Всем им казалось, что добровольно выбранный девчонкой «стиль поведения», не что иное, как насмешка и издевательство. Издевательство над «привилегией соответствующего круга публики», в который она со своей внешностью не вписывается. Да еще и общество с каждым днем выражало все большее недоверие и нетерпимость к евреям. К началу 50-х годов существовало негласное положение об «очистке» столиц всех республик, крупных

промышленных городов, а тем более Москвы от евреев. Об этой мере она узнала необычным образом.

В течение нескольких лет в доме при ней ни о чем серьезном не говорили, а только обсуждалась погода, еда, учеба в школе. Обуреваемая любопытством, Неля время от времени подслушивала разговоры взрослых. Изредка ей удавалось схватить не только отдельные слова, но и «зацепить» на ухо целые фразы, которые затем «прокрученные назад», всплывали в памяти своими интонациями, чуть не «вкусовыми» ощущениями. Иногда, считая, что девочка находится далеко от дверей, родственники забывались и переходили на русский язык. Скорее всего, это происходило от того, что дядя и мама еврейский знали и помнили не так хорошо, как бабушка. У них ведь не было необходимости изъясняться с окружающими на этом языке и он для них, как сейчас понимает Женщина, был своего рода иностранным, который они когда-то учили в детстве, а с годами основательно подзабыли.

В общем, Неля очень часто стояла, притаившись у двери и, «наострив» ухо, старалась уловить сказанное ими. Непонятно, почему они ни разу не поймали ее за этим занятием. Может быть, они так прониклись ее отчужденностью к дому – им и в голову не приходило, что Нельку может интересовать еще что-то кроме улицы. Возможно и то, что, находясь во власти событий, сваливающихся на их головы, теряли «бдительность» и забывали о ней в переживаниях грядущего.

В тот день дядя, как обычно, после обеда и отдыха собирался на работу, Неля разговаривала по телефону с мальчишкой из соседней школы. С ним она каталась на катке и время от времени ему звонила, они вдвоем по телефону решали задачи по алгебре. Дома ей никто объяснить не мог. И тут до нее донеслись слова дяди: «направляют в Читу». Значения услышанным словам не придала. Но через несколько дней Люся Лихарева – одноклассница, жившая в доме напротив, дочь генерала МГБ, открыла смысл этих слов.

Лихарева появилась в классе на пятом году обучения Нели в школе. Девочки не дружили, за одной партой не сидели. Подруг, вернее девочек, которым позволяла вместе с собой возвращаться из школы, Лихарева выбирала сама. Иногда за ней заезжала машина. Держалась Люся очень независимо и уверенно. Еще бы! Дочь генерала, живущая в прекрасной четырехкомнатной квартире, о которой сверстники с Нелиного двора не могли и мечтать.

Отличие от Нели, Люся училась на «круглые пятерки». Получалась, что по всем «статьям» девочка была однокласснице «неровня». Итак, когда Неля однажды уже стояла на ступеньках школьной лестницы, подошла Люся и неожиданно предложила вместе идти домой. От внимания, оказанного Лихаревой, сердце Нели учащенно забилося, оно трепетало, словно тополиная листва, от сильного взмаха сорвавшейся ввысь птицы. Потому что, если честно признаться, все эти годы девочка хотела с ней дружить. Образ Люси был для нее проникнут неким таинством. В то время в ее памяти, при произнесении фамилии генерала, постоянно звучали подобострастные, заискивающие интонации дяди. И не раз она слышала, как он говорил бабушке: «надо же, Нелька учится в одном классе с Лихаревой!» Получалось, что это для него становилось большим достоинством племянницы. Невольно такое отношение дяди к генералу передавалось и Неле, так как уже было сказано, мнение дяди было для нее высшей истиной. Где-то подспудно она гордилась, что учится вместе с такой девочкой. Но, то ли от внутренней застенчивости, то ли от желания все делать наперекор – раз все в классе рвутся дружить с Лихаревой, так она не будет. Точно знала, что дружбы первая не предложит. Но, когда Люся позвала с собой, конечно, сразу согласилась.

Стоял март 1952 года, они заканчивали седьмой класс. Вероятно, это время можно еще обозначить весной трофейных фильмов и киноописаний жизни известных людей государства Российского. Мичурин, Пирогов являли им примеры мужества и достоинства. А дети, словно, сошли с ума, подражая с утра до ночи руладам Тарзана. Кличка Чита, бывало, кому-то приклеивалась намертво. Она шла с Люсей, беззаботно болтая и чему-то все время посмеиваясь. Воз-

можно, происходило такое от того, что лучи, отражаясь в витринах, солнечными зайчиками, скакали по их лицам и смешинками залетали им прямо в рот. Мальчиковые ботинки Нели скрипели на плотно лежащем снегу. Она чувствовала, как желание похвастать перед бабушкой, переполняет ее через край. Ведь это же правда, что Лихарева сама выбрала ее, и она шла вместе с ней домой. Неля представляла: вот она входит, именно входит, а не влетает в тамбур, даже не хлопнув дверью. Кладет, а не бросает портфель, чем уже вызывает бабушкино недоумение и начинает ее интриговать, чтобы она угадала – с кем она, Неля, подружилась.

Конечно, бабушке и в голову не придет, что внучка может быть приближена к такой девочке. И девочка продолжала представлять, как придет дядя обедать и бабушка с гордостью заявит: «У Нельки новая подруга! Кто бы ты думал? Сама Люся Лихарева». Девочка все так живо видела, что чувствовала себя на высоте. Будто это стало, чуть ли не ее личным вкладом в престиж семьи. Неля еще что-то щебетала, когда услышала.

– Знаешь, скоро всю Москву очистят от евреев. Папка сказал, что вы уедете в Читу.

Когда докатился смысл слов, произнесенных Люсей, на Нелю навалился столбняк, она споткнулась, и чуть было не упала. Перед глазами, словно на экране, вспыхнули два слова: «направляют в Читу». Ей показалось, что еще мгновение – закатится солнце, разверзнется земля, и она покатится в преисподнюю. Одна мысль сверлила ее мозг: «Не хочу в Читу!» Может – быть, в оцепенении она стояла целую вечность, а может – быть доли секунды, но то, что Люся попрощалась – поняла не сразу. Ее уже не было видно, очнулась от хлопка двери.

Солнце все так же светило, земля не разверзлась. Только непонятная тяжесть давила на плечи и как она ими не поводила и не дергала, тяжесть сбросить никак не могла. Нет, не может быть такого. Ведь ее дядя работает в органах. Ведь он же умница, иначе его не взяли бы на работу туда и не держали бы там. Нет, наверное, Люся ошиблась, а как же услышанные ею слова: «направляют...»

Она стремглав бросилась к дому. Хватит им все скрывать от нее. Она хочет знать, что происходит. Но, придя домой, ничего не спросила. Дядя почему-то лежал на диване, прикрыв лицо газетой. Сейчас Женщина вспомнила, что года за полтора до услышанном направлении в Читу, ее дядя получил замечательную светлую комнату в квартире не только с уборной, но с горячей водой. Почему она сейчас вспомнила об уборной?! Да только потому, что в их так называемой «отдельной квартире» были только электричество, водопровод и газ. Обычно «по нужде» они всей семьей бегали через проходной двор в общественные уборные за 10 копеек. Если же было совсем «невтерпеж», пользовались подвальной, около котельной, которая почти не убиралась и еле-еле освещалась тусклой лампочкой.

Девочка мечтала о переезде в новую комнату дяди, но никакого переезда не последовало. Она с мамой и бабушкой оставалась на прежнем месте. Дядя месяца через три поменялся со своим сослуживцем. Сделать обмен удалось с трудом, ведь комната принадлежала ведомству – МГБ. В любой момент дядя мог лишиться своего жилья, поэтому-то и менялся. В конце – концов, после еще одного обмена, стал соседом своего давнего знакомого. Хотя дядя и имел свою собственную комнату, он там даже не бывал, а продолжал жить с матерью, сестрой и племянницей в той маленькой комнате-квартире, где семья поселилась после эвакуации.

Значит, дядя вроде бы дремал, а бабушка сидела за письменным столом, который служил обеденным и, покашливая, читала свою еврейскую книгу. Последнее время Неля замечала, что бабушка все чаще вытаскивала эту книгу из шкафа и водила пальцем по строчкам. Она уже понимала, что бабушка читает молитвы. При виде дремлющего дяди, девочка начисто забыла про свой вопрос, настолько необычным стал для нее его ранний приход с работы.

Ни слова не говоря, бабушка приподнялась, приложила палец к губам и поманила девочку на кухню. Налив тарелку с супом, сказала:

– Не болтайся допоздна на улице. Теперь мы будем обедать все в одно время. – Она грустно поглядела на Нелю. – Не знаю, как жить. Скоро денег будет у нас меньше. Он, –

бабушка показала взглядом на дверь – перешел на другую работу. Хорошо, что до войны кончил институт. – И тут в ее голосе прозвучала торжественность, которую девочка помнила еще с тех пор, когда бабушка говорила об инженерах. Старую женщину охватил приступ кашля, который она пыталась заглушить находящимся в руках кухонным полотенцем.

Еще в январе, вывешивая белье на тридцатиградусном морозе, в едва накинута кацавейке, она остудилась и слегла с воспалением легких. Оправится, от него никак не могла. Сама она лечилась народными средствами. А дядя доставал ей самые новейшие лекарства, которые, по мнению врачей, должны были это воспаление рассосать. К сожалению, воспаление не исчезало. Но бабушка не сдавалась и продолжала вести все хозяйство.

– Выходит, дядя, перешел на другую работу. А как же «там», – появившийся вопрос мгновенно пронесся в голове Нели. Она очень хорошо помнила и знала, что все в доме уважали ее семью, и это «там» играло не последнюю роль. Семья возведена была в некую что ли «дворовую знать». А что же теперь? Неля уже слышала, что многих евреев увольняют с работы, потому что они не оправдали доверия. Она очень гордилась своим родственником, который этого «доверия» не терял. Теперь же из слов бабушки поняла, что он где-то будет работать инженером. Но где?

В то время девочка не знала, что и в органах он тоже был инженером, потому что эта организация окутанная таинственностью, никаких фантазий, кроме ловли шпионов, в детских головах не вызывала.

Боясь потерять вспорхнувшую мысль, она цепко ухватилась за нее, не давая ей улетучиться. Нанизывая одно слово за другим на нить размышлений, зорко всматривалась в бабушкины глазки. Глазки в последнее время словно потухли и перестали просверливать насквозь. Неля дрожащим от волнения голосом произнесла:

– Где же он будет работать?

– Институтский друг устроил к себе. Так что пока мы остаемся здесь.

– Значит, в Читу не едем?! – радостно воскликнула она. Ей уже было наплевать: сколько денег получится на круг в ее семье, придется ли сводить «концы с концами», о чем так тревожилась сейчас бабушка. Главное – они остаются.

И снова до Женщины донесся стон не успокаивающейся соседки. Стуча во все двери, она не переставала причитать: «что же будет?»

Женщина, размякшая от усталости, почувствовала, что тело ее обвисает, и просто расплывется по креслу, продолжала сидеть у зеркала, ощущая, что чувство страха перед неизвестным испаряется. Глубоко в подсознании сидевшее слово «Чита», потеряло свою значимость. Сейчас не будет ни Читы, ни товарных вагонов, ни сибирских морозов, которым предстояла нелегкая работа – удалить еврейский оттенок одной части населения, так беспокоящей страну. И еще одно слово приобрело для нее почти мистический смысл. Это слово «пока». Словно, выжженные ярким пламенем буквы, отпечатались в ее сердце.

– В Читу не едем, пока не едем – поправила себя бабушка каким-то сонно-отсутствующим голосом, не высказав никакого удивления вопросу внучки. Можно было подумать, что именно с девочкой она оговаривала их возможность переселения в Сибирь. До Нели вдруг дошло. Не от всех евреев очищают Москву. А от тех, кто проявил себя убийцами – как врачи, которые работали в Кремле и в других крупных больницах. Про врачей она слышала по радио и в школе. И ей было очень стыдно и больно за них. И где-то подспудно она ощущала, что из-за таких евреев может пострадать ее семья. Потому все время и радовалась, что дядя до последнего дня оставался «там». Это каким-то образом гарантировало дядину, бабушкину, мамину и главное ее верность и любовь к Родине, ее «самому лучшему государству в мире». И, когда бабушка сказала, что они никуда не едут, еще раз утвердило в понимании «безгрешности ее семьи». Она даже не спросила, почему он ушел из органов и поступил на другую работу. Ей было достаточно того, что они оставались в Москве, и это было главным.

Много позже Женщина узнала, что дядя ушел из органов только потому, что под предлогом перевода в Читу, его увольняли. Тогда многих евреев увольняли таким образом: предлагали заведомо неприемлемые места для работы. Правда, уход из органов не давал уверенности, что их все-таки не выселят. Может поэтому в тот момент бабушкиных откровений ее взбудоражило слово «пока». Значит, еще все возможно.

Но почему она должна так страдать. Только прошла с Люсей до дома. И Сокольников не будет, где год назад она попала в милицию, и откуда выручил ее дядя. А где же Бог бабушки, которому она в последний год чуть ли не ежедневно молится. Неля все видит и никому и слова не говорит. Девочку вдруг подкосило, она уткнулась головой бабушке в колени и, беззвучно всхлипывая, стала ее умолять, чтобы она упростила своего Бога (раз считает, что Он есть) – пусть оставит их навсегда в Москве. Ведь все годы, что Неля заставляла бабушку за молениями, помнила ее слова: «Бог добрый, всех около себя держит». Также она ей поведала, что никогда не отказывается и даже всем назло говорит, что она еврейка. И что, если ее Бог им не поможет, не знает, что сделает.

Тут вдруг глазки бабушки стали совсем маленькими, словно буравчики, они опять сверлили, точно, что-то выискивая в тебе, и довольно сухим, каким-то треснуто-пилящим голосом произнесла.

– Не лезь на рожон. Дураков и без тебя хватает, всякую чушь молотят. – Что она имела в виду под «дураками» Неля так и не узнала.

Значит, как было сказано, Неля к четырнадцати с небольшим прошла уличное «воспитание», после чего мало чем, не считая внешности, отличалась от дворовой шпаны. Вот тогда-то впервые узнала чувство страха. В один из дней своего отрочества Неля очень хорошо ощутила, как бы внутренне не отгораживалась от «них», так схожих с Ревеккой Яковлевной, для большинства окружающих – она из «тех», которых надо уничтожать и давить.

После экзаменов за седьмой класс ее с бабушкой вывезли на лето к маминой знакомой на дачу. Бабушка все слабела и беспрестанно кашляла. Думали, что на свежем воздухе она наберется сил, окрепнет. Сидеть вдвоем с бабушкой за городом Неле быстро наскучило, и раз в неделю, девочка придумывала причину для поездки в Москву. То меняла книгу в библиотеке, то покупала тетради для школы. Короче, повод всегда находился, и она старалась быстрее улизнуть в город.

Еще одна причина, о которой Неля никому не говорила, занимала все ее помыслы. Она знала, что Люся вместе со своей мамой в это время навещала родственников генерала в небольшом городке на Волге. Затем подруга должна была на несколько дней появиться в Москве, и ехать отдыхать на море. Слово «море» произвело на Нелю неизгладимое впечатление. Такой отдых ей был неизвестен, загадочен для нее. Даже при прошлом благополучии, когда дядя работал в органах, о море она не смела и мечтать. Так вот она караулила Лихареву, чтобы быть свидетелем ее сборов. Люсю она подстерегла и уговорила поехать вместе с ней на дачу. Перед отъездом мама накормила их клубникой и дала трехлитровую банку с ягодами для бабушки. Неля не знала по чьему совету, мама каждый раз передавала ягоды. Кто-то ей сказал, что от клубники можно сразу выздороветь. Но, если признаться честно, Неля, ни разу не довезла эти банки полными. По дороге она их опустошала, чуть ли не наполовину.

В этот раз она о клубнике совсем забыла. Они весело болтали, вернее, говорила Люся. Неля не замечала, как бежали навстречу маленькие домики, фруктовые деревья, полустанки – заморожено смотрела на Лихареву. Не замечала она и огромного мужчины, сидящего напротив. В народе таких называют «амбалами». Это уже потом Люся ей сказала, что он «угрюмо взирал» на банку с ягодами, стоящую на коленях девочки. Прежде, чем Неля увидела заполнявшиеся неестественной белизной глаза, она услышала его почти визгливый голос. Он наклонился к ее лицу и его черновато-коричневые, прокуренные зубы, чуть ли не касались ее носа.

– На все у пархатых денег хватает! И зубы золотые, и ковры, и клубника – все у них. Гляди-ка, огромную банку тащит. Жрать будет – не подавится. Что хочешь – могут купить. Все они – торгаши и воры. И ничто этих жидов не берет. Сколько их не уничтожают, а они все, плодятся, суки!

Какое-то мгновение его слова отскакивали от Нели, не оседая в голове. В вагоне уже кто-то проговорил, что «от жидов нет спасу». А девочка никак не могла понять, что хочет этот здоровяк с красным в синих прожилках лицом, с глазами навывкате, которые прямо смотрели на нее. А «амбал» разорлся все громче и громче.

– Теперь эти душегубы во врачи подались, скольких же людей загубили, твари, небось, папаша сейчас наших вождей травит. И ведь все, как один бздуны, гадят нам втихую, исподтишка.

Ох, если бы он не сказал о еврейской трусости, Неля еще может, и сидела, не обращая на него внимания. Но вдруг она осознала – ее считают виноватой в том, чего не совершала. Да еще унижают не только перед всеми, а именно перед ней, перед Люсей.

– Ну, погоди ж, ты рыло дерьмовое. – Неля вошла в свой образ подворотней шпаны, простодушно, но в то же время с наглостью уставилась на мужика и даже улыбнулась. Потом негромко, очень четко, цедя сквозь зубы, чуть ли не выплевывая каждое слово, бросила ему в лицо.

– Ну, ты, мордovorот, харя е... Хавальник-то прикрой. Смотри, не то гнилушки свои растеряешь.

Какие-то доли минуты он оставался с отвисшей челюстью, в бычачьей тупости крутил шеей, будто ему что-то мешало. До него, видно, никак не доходило, что эта тирада – хамская, нецензурная была только что произнесена ни каким-нибудь пьяницей, а вполне чистеньким еврейским заморышем, с длинным носом. И тут, его словно «шарахнуло» молнией. Он просветлел разумом. Очухался, медленно пристав, выбил из рук Нели банку с ягодами. Люся, буквально, схватила ее на лету, но часть ягод все-таки высыпалась на пол. Давя со злостью клубнику, собранными гармошкой кирзовыми сапогами, заломил ей руку за спину и выволок в проход.

– Ах, ты жидовня! Ах, ты жидовня! Давить и уничтожать, давить и уничтожать надо – только и выговаривал он.

Давить и уничтожать! Не замечаешь, как кожа посинела и покрылась пупырышками, схваченная ознобом. Кровь бешено стучит в виски. Упругость нити, держащей сердце, ослабевает. Нить утончается. Еще мгновение и она оборвется. Сердце упадет и разобьется. Мгновение длится целую вечность. Зрачки расширяются. Движения связаны. Страх, страх владеет тобой. И только дерзость может спасти, вывести из этого состояния. Неля брыкается, упирается ногами в пол, но его рука все тащит и тащит ее по проходу, а она в каком-то безумии продолжает материться на весь вагон. Слышит крик, она не сразу узнает Люсин голос. Одно слово «папка» доносится до ее ушей. Краем глаза видит, Лихарева повисла на нем и опять слово «папка». Она не помнит, как оказалась сидящей в тамбуре, почему Люська «тычет» ему в «харю» какую-то фотографию. Откуда здесь фотография? Она видит, как он бросает взгляд с фотографии на Люську и обратно. Вокруг них народ. Фотография пошла по рукам и все, как один, у кого побывал снимок, глядя на него, потом обязательно смотрят на Лихареву.

А колеса стучат и стучат. Неля продолжает сидеть в тамбуре. Ее ноги-палки торчат из-под задранного подола платья. Тут Люся, забрав фото у тетки с перегидрольными волосами, подошла к ней, помогла встать, отряхнула и повела к лавке. Неля слышит голос Лихаревой: «ее отец работает в органах».

– Зачем она врет, – проносится в голове Нели. Она слышит скрип двери. Не захлопнутая, она, то открывается, то закрывается и Неля с ужасом понимает, что еще немного и «этот» сбросил бы ее с поезда, и никто бы слова не сказал.

Вдруг он положил руку на плечо девочки и с недоверием, смотря в ее глаза, произнес.

– Не знаю чевой-то сразу в толк не взял. Жидовня такой быть не может. Нос не тот, не наш. И вся какая-то не наша. Не настоящая. – Он опять окинул ее взглядом, – ну прямо, куда ни глянь – сплошь жидовня.

Когда Люся с Нелей вышли на станции, Неля спросила подругу:

– Зачем ты соврала, что у меня отец работает в органах? У меня его нет.

– Пусть боятся. Надо, чтобы тебя боялись. Видела, что было в поезде?

– Да. А что за фотографию ты показывала? Откуда она вообще взялась?

Люся вынула из маленькой сумочки-кошелька, висевшей у нее через плечо, фотографию и протянула Неле. – Я никогда с ней не расстанусь, даже сплю с ней.

Увидев снимок, Неля просто обомлела. Ей опять стало страшно. Страшно от той недосягаемости, от высоты положения. От одной мысли об этом – замирает душа.

Радостно улыбающаяся Лихарева была снята крупным планом на какой-то даче вместе с отцом в генеральской форме, обнимающим ее за плечи и... Лаврентием Павловичем Берия.

Да, членов правительства все знали в лицо. Ни раз, видно, руки мужика на демонстрациях держали древко с портретом человека в пенсне. Наверное, поэтому «амбал» так оценивающе присматривался к Неле. Что же на самом деле представляет собой эта носатая, коли ее, защищает такая девочка. Что же за штучка эта худоба, так сбивающая «с панталыку», что можно и беды не обернуться. Вот почему, он выпустил Нелю из рук, и напоследок еще раз упомянул про жидовню, которая может «навлечь беду на носатых таких, как она».

Через год, когда Лихарева не только не спала с этой фотографией, и не носила ее с собой ежедневно, Неля спросила – почему она решила с ней дружить и почему надумала защищать ее в поезде?

– Я с самого раннего детства, – ответила Люся, – знала, что каждый человек должен кого-то бояться. Я видела, как одни остерегались других, сама к некоторым относилась со страхом. Видела, как уважение и доверие к какому-нибудь человеку, определенными людьми принималось за боязнь и они уже испытывали только это чувство. Наблюдала, как многие дрожали перед отцом. Может – быть, кто-то его и уважал, но делал с таким подобострастием, что грань между боязнью и уважением стиралась. Неожиданно я попадаю в обычную школу, где многие девочки предлагают мне свою дружбу. Не знаю, почему родители определили меня в такую школу. Я начинаю дружить то с одной, то с другой. Но ничего не получается. Все что-то от меня ждут, ждут чего-то невероятного. Но его нет. Я вижу в классе девчонку: учится она неважно, ее не сторонятся, но никто и не приближает, да и сама она ни к кому не стремится. Знаю, что еврейка, а евреи всегда отличники и тихони. Здесь все наоборот. В школу приходит в синяках. Однажды услышала, как она еле слышно обругала пионервожатую такими словами, которых раньше не знала. Дома спросила: «что это значит?» Ответили, чтобы я так больше не выражалась. Так говорят ничтожные люди. Стали допытываться – от кого я подхватила ругательства. Не знаю, почему соврала. Сказала, что услышала на улице. Ты мне нравилась своей независимостью. Очень часто говорят, что тянет к своей противоположности – хорошее к плохому и наоборот.

К тому времени, я все о тебе выпросила у одноклассниц. Знала, что отца нет, живешь с матерью и бабушкой и самое главное – твой дядя работает в том же месте, где и папа. Это очень облегчало дело. Да и мама была не против нашей дружбы, когда я ей рассказала о тебе. Она даже упомянула, что давно знала хороших евреев. Еще в начале тридцатых годов маму, почти девчонкой, спасла еврейская семья от голодной смерти. Тогда она поклялась Богу, что, если когда-нибудь ее помощь будет нужна евреям, она обязательно отблагодарит за спасение. Хотя мама никогда не верила в Бога, но тут представилась довольно простая возможность выполнения клятвы. Не мешать, не мешать нам, дружить. Вероятно, считала – такое отношение к евреям помогает. Создает благопристойное мнение о вашей семье. Еврейская девочка ходит

в дом генерала. Тем более ее задача упрощалась – ты была почти из того же круга, что и я. Когда же началось дело с врачами, мама тебя очень жалела, говорила, что не все евреи шпионы и убийцы. Говорила, что из такой девочки, как ты, убийца не вырастет. Что ты очень верна и предана своей стране, что очень любишь ее. Почему она тогда так думала – не знаю, но мне было этого достаточно, чтобы однажды пригласить тебя домой. Все время мама хотела тебя опекать. Почему? Не знаю. К другим евреям относилась более чем спокойно. И что с ними происходило, ее не волновало.

И в вагоне, как оказалось, Лихарева вцепилась зубами в мужика – стало жалко подругу. Ее мама «Сашенька» (как потом Неля с Люсей звали ее про себя) учила дочку состраданию к Неле. Поняла Люська, что еще немного и тот выбросит Нелю на откос. Хотела в тот момент, чтобы «амбал» испугался, чтобы боялся ее, как многие боялись отца-генерала и почти все... Лаврентия Павловича Берия.

А тогда, когда они появились на даче, привезя всего полбанки клубники, Неля опять бросилась к бабушке с просьбой, чтобы она попросила еврейского Бога – пусть они не будут евреями. Ведь евреям так плохо быть. Вот ее излупили. Если бы не Люська, выбросили бы с поезда, и никто бы не заступился.

– Он не в силах помочь, – ответила бабушка. – Он такое сделать не может. Если сделает – значит, мы его предали. А его предавать нельзя. Нельзя ему изменять.

Тогда я больше твоего Б-га еврейского знать не хочу, – закричала Неля. Ненавижу его, и еврейский твой язык ненавижу. Нечего верить твоему Б-гу. Просто его вообще нет. Никогда его не будет для меня. Только дураки, как ты, и могут верить ему.

Она впервые назвала бабушку душой. Конечно, же, Неля все чаще видела, как бабушка молится Б-гу, но также видела, что внимать ее молитвам о более легкой жизни – он не хочет и скорее всего не может. Они продолжали быть евреями, и жилось им все труднее и труднее. Поэтому тогда слово «Б-г» и тем более он сам, перестали для Нели существовать.

К зиме 53 года бабушка уже не поднималась с постели. Дядя почти год работал в одном научно-исследовательском институте и жил у себя дома. Правда, ежедневно, после работы навещал бабушку. Все заботы о доме свалились на маму, которая кроме того, что была очень больным человеком, вдобавок, не приспособленным к жизни существом. Все сейчас у нее валилось из рук, она только охала и вздыхала, а готовить, как бабушка, вовсе не умела. Дом стал чахнуть и угасать.

Неля училась все также неважно, но теперь ее многочисленные двойки никого не трогали. Она даже не помнит, чтобы ежедневно делала уроки, настолько ее время было заполнено. В ее обязанности входили покупка продуктов, уборка в доме, время от времени надо было ставить бабушке пиявки, а главное, каждый вечер ввести бабушке шприц с лекарством в мягкое место. Уколы Неля научилась делать так, что любая медсестра могла ей позавидовать. Но тут, кроме того, что тяжело болея, умирала бабушка, случилось событие, потрясшее весь мир.

Он умер. Единственный, родной и любимый!

Неля с Люсей ревели, чуть ли не неделю. В первую же ночь сумели пробраться через чердаки соседних домов, которые Неля знала, как свои пять пальцев, в очередь,двигающуюся к Колонному Залу. Может – быть, Люся и сумела бы попасть другим способом, но генерал сам отсутствовал, а дочери велел и «носа не высовывать». Ранним утром они простились «с солнцем эпохи».

Когда же появились каждый у себя дома, им здорово попало. Даже генералу, было трудно определить, в каком месте Москвы они находятся. Конечно же, Неля считалась «подстрекательницей», но тогда именно Лихарева сказала, что «любимым способом надо прорваться». Она «готова на все – лишь бы с ним проститься». После их возвращения, утром Неле позвонила Сашенька.

– Не смей к нам больше ходить, – кричала она в трубку дрожащим голосом. Как же она перенервничала, коли такие слова срывались с ее языка. – Я и так рисковала, позволяя вам дружить. Если бы не ты, она не ослушалась бы Георгия Николаевича. По такой хулиганке плачет ремень.

Сашенька что-то кричала еще, а потом, видно, опомнившись, вдруг начала всхлипывать прямо в трубку. Неля слышала в трубке, что Люся пытается перекричать мать, что Нелька не виновата. Неля слышала еще какой-то шум на другом конце провода, потом все смолкло. На слова Люсиной мамы Неля внимания не обратила, потому что беда, настигшая их, была столь велика, а слезы столь горьки, что казалось – мир должен рухнуть.

И потом Неля подспудно помнила, что в такое страшное время, когда разыгрывалось столько трагедий – обрывалась многолетняя связь между людьми, когда переставали звонить друг другу, боялись сказать лишнее слово, генеральская жена с каким-то завидным упорством зазывала Нелю в дом, давая понять, что она желанна. Даже хулиганская биография девчонки не смущала мать Лихаревой. Может она действительно что-то замаливала перед Б-гом, в которого совсем не верила. А может быть, от чего-то, через Нелю очищалась!? Этого девочка объяснить никак не могла.

И в тот момент, Неля не помнила, чтобы переживала с такой силой какое-нибудь событие, как эту смерть. И еще: глазки бабушки теперь в каком-то ожидании устремились к черной тарелке репродуктора, из которого лилась и лилась траурная музыка, и перечислялось – кто приехал на похороны и от кого посланы венки.

Ее соученицы плакали всем классом, а затем торжественно поклялись, что в память о нем будут хорошо учиться. Неля обещала учиться без двоек. Люська же поклялась, что обязательно дойдет до 10 класса только с отличными оценками и не допустит Нелиных плохих отметок. Но прошло около месяца и ученицы опять хватили двойки и тройки и никакие укоры, что это недостойно советского человека – нарушать клятву – ничего не могли сделать. Потому что, как выяснилось потом, все-таки у всех мозги разные и все одинаково хорошо соображать не могут. Правда Люся от своей клятвы не отступала и уже через несколько дней, после траурной линейки Неля сидела у нее дома. Люся занималась с Нелей по всем предметам, входящими в определение математика.

Но как за всяким горем приходит радость, так и сейчас пришла эта весть. Выпустили врачей. Они оказались ни в чем не виноваты. Никого они не убивали, и никакого заговора против правительства у них не было. Нелиной радости, ее гордости не было предела. Словно, ее доброе имя было несправедливо опорочено, а сейчас восстановлено во всех правах. Она перестала сутулиться, ходила с высоко поднятой головой и чему-то все время улыбалась. Теперь, где бы она не оказывалась: в очереди ли, в троллейбусе, просто на улице, лишь только ее уха касалось произнесенное слово «врачи», она обязательно вмешивалась в разговоры взрослых. Однажды зайдя в галантерейный магазин за брошкой-голубем и белым шарфиком, которые было модно носить, она увидела, стоящего возле кассы брызжущего слюной мужчину и ругающего отлучившуюся кассиршу. Из его слов, выходило, что евреи захватили все места, особенно в торговле и вот теперь «стой и жди». Да и врачей на их радость выпустили, а что же «дураки были те, кто сажал».

– Да все же неправда про них раньше было, – вскипела Неля. – Все специально подстроили. Так и в газетах пишут, чтобы ввести в заблуждение советский народ.

Несогласия с ним мужчина никак не ожидал. Он же стоял никому не мешал, сам с собой размышлял вслух, а тут девчонка прицепилась с разъяснениями.

– Ты откуда взялась такая грамотная? Газеты читаешь? Хорошо разбираешься!? – его начинал охватывать гнев, что приходится с кем-то объясняться, а не утверждать свои «мысли вслух». – Значит, неправда, говоришь, была?

– Неправда. Мой хороший знакомый, один генерал, знал, что это неправда, поэтому всегда в гости приглашал, – пафосно сочилось слова из ее уст.

– Ну что с этими евреями сделаешь. Чуть дашь слабину, сразу голову приподымут и только норовят тебя в грязь втоптать.

– Что вы нервничаете? – кассирша сидела уже за аппаратом, – сейчас вмиг отпущу.

Но к окончанию восьмого класса они опять забыли, кто из них какой национальности. Это больше учениц не волновало. И вновь получали двойки и тройки. Только Лихарева от своей клятвы не отступила. Впервые Неля сдала все экзамены без троек. Принесла домой экзаменационный лист, Неля сунула его умирающей бабушке. Ей, как сказал дядя, остались считанные дни. Сделав над собой усилие, старая женщина взяла в руки лист, и некое подобие улыбки, поддержало ее губы. Словно, почувствовав слабость бабушкиных пальцев, лист выпорхнул на свободу, подхваченный ветром, влетевшим в окно, взмыл ввысь, и, сделав сальто-мортале в воздухе, со всего размаху шлепнулся на пол. Неля нагнулась, чтобы поднять его с пола и тут же почувствовала безвольно опущенную руку бабушки на своей голове. Взглянув на бабушку, она увидела одинокую вялую слезу, катившуюся по ее лицу. Она поманила Нелю, явно прося, чтобы та приблизилась к ее изголовью. Девочка едва расслышала.

– А... ты... говорила Его нет. Он... всегда... с нами. Все сделал живым. Помни о нем.

Неля чуть не огрызнулась. Во время сдержалась. Это ж надо быть такой упрямой. Можно сказать, последние часы доживает, а делает все, чтобы утвердить своего Бога. Нет его! Нет его! Хотелось Неле крикнуть ей. Если Он такой замечательный, что же заставляет ее умирать? Никогда она в Него не поверит. Из-за Него, сколько людей гибнет, заблуждается. Она ведь об этом не раз слышала в школе.

Но ничего, конечно, не крикнула, бабушка прикрыла глаза, видно речь ей далась с трудом. Неожиданно она показалась Неле совсем маленькой и прозрачной. Девочке стало жаль ее. Сев на край кровати, она взяла безвольно лежащую восковую руку бабушки и погладила. Едва, ощущаемое слабенькое пожатие коснулось пальцев девочки. Она, бабушка, будто почувствовала, внучкино отрицание Бога и через это пожатие, вероятно, хотела передать свою веру в него.

Не успели они похоронить бабушку, как дня через два прибежала Лихарева и предложила Неле вместе с ней и Сашенькой уехать до начала занятий в тот провинциальный городок, в котором год назад Люся навещала родственников отца. Неля, конечно же, с радостью согласилась. Она впервые отправлялась в столь далекое путешествие и притом еще с Люсей.

В тот момент она и не думала, почему они решили взять ее с собой. После истории с врачами, Неля уверовала в безоговорочность равноправия жителей необъятной страны. Она уже забыла, что еще совсем недавно ходила с сутулыми плечами и опущенным взглядом. Сейчас только гордость, что никто из девочек класса не удостоился такой чести, как она, переполняла ее через край.

Девочки с утра до ночи пропадали на речке, бегали в кино, ходили в лес за грибами и даже спали на сеновале. Там Неля познакомилась с русским мальчиком, ее первой симпатией Игорем Яблоковым, который через год собирался поступать в университет. Сын местной учительницы, он воспитывался ею одной. Отца мальчика убили на войне, родители женщины в двадцатые годы были сосланы чуть ли ни на самый север Сибири.

Игорь казался ей верхом совершенства: научил плавать, видеть на небе большую и малую медведицу, много знал о путешественниках и их открытиях. Но самое главное, он не интересовался ее национальностью.

Как-то после прополки грядок она и Игорь стояли около калитки, поджидая Лихареву с билетами в кино. Неля, раскрыв рот, слушала рассказ о древней Трои, об ее обнаружении в 19 веке. Игорь назвал фамилию руководителя экспедиции, сказал, что он из богатейших про-

мысленников, стал известным на весь мир исследователем. Фамилия звучала как еврейская. И надо признаться: что-то защемило в душе девочки: «Надо же евреев допускают до таких открытий!» Она даже приосанилась и радостно выпалила.

– А я тоже еврейка.

– Причем здесь евреи? Игорь недоуменно посмотрел на нее.

– Да потому что русские не любят, когда евреи впереди... А тут такое открытие.

– Этот ученый – немец.

– Да..., – протянула Неля. Недавний свет, озаривший ее душу, погас. Своим ответом Игорь, будто чего-то ее лишил. В ее, как бы протянутой линии «да...», он почувствовал разочарование, охватившим девочку. Это много позже, в совсем взрослой жизни Женщина узнала, что Генрих Шлиман действительно был евреем, рожденным в Германии, но все равно по сей день, будто стыдясь, все энциклопедии продолжают сообщать, что он был немецким археологом, не упоминая о его национальности. А в тот момент Игорь неожиданно произнес.

– Мне неважно, кто какой национальности. Я знаю, что русские люди добры и отзывчивы. Жалостливы. Отличаются своей душевностью. Главное в жизни... – он не успел закончить свою мысль, Люся, едва дыша, кричала на всю улицу, чтобы они быстрее бежали. Сеанс вот-вот начнется, с минуты на минуту.

Мальчик до того нравился Неле, что ей захотелось показать ему не только свою признательность и привязанность к русским людям, но и свою «русскую душу». Момент представился тут же. Когда, опаздывая в кино, бежали через городской сад, Неля чуть не сбила прохожего. На замечание – запустила такое словцо, что Игоря чуть не перекосило. Он, остолбенело, стоял на месте и оглядывался по сторонам, не понимая, откуда до него долетела такая непристойность. Люська со всей силы ущипнула Нелю за руку. Она взвыла от боли, а Игорь просто «вылупил» глаза и стал часто-часто моргать ресницами. Потом окинул Нелю недоуменным взглядом и проговорил:

– Ну и ну! Вот так Нелечка!

Его «Нелечка» показалось ей соловьиной трелью. Она не знала, куда деться от удовольствия, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Люся же подумала, что подруге стало стыдно за сказанное, и Лихарева произнесла нравоучительным тоном.

– Писаревская, ты что, обалдела?! Забыла электричку? Когда-нибудь нарвешься, что прибудут. – Люся умолкла, раздумывая, чтобы еще сказать что-то поучительное.

Они, молча, глядели друг на друга, Неожиданно Игорь засмеялся и, едва касаясь, провел пальцем по Нелиному носу.

– Ну и носик, ну и носик?! Что же себе позволяет.

С тех пор Люся стала звать Нелю – «носик». То ласково, то саркастически. Смотря по настроению. Но также верно и то, что с того дня, Неля никогда больше непотребно не «выражалась», у нее почему-то не поворачивался язык.

Итак, легко и беззаботно девочки жили почти до начала августа, когда обе телеграммы пришли почти одновременно. Дядя сообщал, что мама в тяжелом состоянии лежит в больнице, а генерал срочно вызывал Сашеньку в Москву. Они уехали, не успев попрощаться с Игорем. Неля никогда его больше не видела. Но потом, во взрослой жизни в разных мужчинах искала его черты.

Дядя, по дороге домой, рассказал Неле, что мама «жутко» переживала смерть бабушки. Ей с трудом представлялась жизнь без мамы. Да еще заботы о семье свалились на ее, не приспособленные к жизни, плечи. Волнений она не выдержала. Вот и попала с инсультом, а по народному определению, с параличом в больницу.

Еще от дяди Неля узнала потрясающую новость. Арестовали человека в пенсне, как английского шпиона. Даже имя его страшно было произнести. В такое верилось с трудом, никак не хотелось думать, что шпионы могут так высоко вознестись и держать в своих руках власть.

Неле казалось: «вот-вот прояснится ошибка, как с врачами», и все встанет на место. Но ошибка так и не прояснялась. В конце года, когда мама вышла из больницы, Лаврентия Павловича расстреляли. Но тогда, на вокзале, рассказывая об аресте Берии, дядя пожалел Георгия Николаевича, отца Люси.

– Жаль человека. Худо ему будет.

– Так арестовали того, – Неля недоуменно уставилась на дядю. Он ничего ей не ответил, только пустыми глазами почему-то посмотрел по сторонам.

Но Нелю, кроме расстрела Берии и маминой болезни, тревожила Люся Лихарева. Дело в том, что Люся проучилась несколько дней первой четверти и пропала. Когда она после многодневной беготни в больницу к маме, дозвонилась до Сашеньки, та на вопрос: «что случилось? Почему Люси нет в школе?» – ответила.

– У Людмилы обнаружили ревмокардит. Она пробудет полгода в санатории в Крыму.

– А как же учеба?

– Людмила там и учится.

Неля, замерев, стояла с трубкой в руке, боясь пошевелиться. Непроницаемая стена угнетающего молчания стояла в телефонной трубке. Затем Неля услышала взорвавшийся щелчок и гудки отбоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.